

Нельзя также признать удачной статью Е. В. Веймарна и С. Стржеleckого „К вопросу о славянах в Крыму“, напечатанную в 1952 г. в журнале „Вопросы истории“ (№ 4).

В этой статье авторы высказывают необоснованное предположение, что славяне составляли часть постоянного населения средневекового Крыма, что Святослав владел землями в Крыму и частью этих земель наделяет топарха. Авторы только не договаривают, когда же, по их мнению, исчезает постоянное русское население в Крыму. Но, что касается вышеупомянутой „Записки греческого топарха“, то она не имеет никакого отношения к Крыму и Святославу и цитируется авторами только по недоразумению. Утверждая, что русские составляли часть постоянного населения Крыма в раннем средневековье, авторы статьи забывают, однако, ответить на вопрос, почему ни один средневековый источник не говорит о русских как о постоянном населении Крыма? Выходит, следуя Веймарну и Стржеleckому, что русские, проживая много веков в Крыму в качестве его постоянного населения, держали себя так пассивно, что о них не упомянул ни один средневековый источник. Таким поведением не отличались средневековые славяне. Там, где они проживали в значительном количестве, они заставляли говорить о себе. Вспомним милингов и эзеритов, заброшенных вглубь Пелопоннеса. О них постоянно упоминают византийские и западноевропейские источники. А отсутствие каких-либо источников говорит лишь о беспочвенности гипотез Веймарна и Стржеleckого. Б. А. Рыбаков в этом вопросе пробует опереться на авторитет Прокопия, но Прокопий помещает антов не в Крыму, а к северу от Меотиды и кутургуров. Относительно же Крыма Прокопий сообщает, что все степное пространство Крыма от Херсона до Боспора занимают гунны.¹ Только на узкой береговой полосе, как он утверждал, кроме греков, разместились готы. Следовательно, по Прокопию, для поселения славян в Крыму не было места.

Дальнейшая история Крыма также не дает никаких упоминаний о славянах как о значительном и постоянном его населении.

Русские могли в византийское время совершать нападения на Крым, могли быть там путешественниками и торговцами, еще чаще попадали туда в качестве пленных, продаваемых в рабство кочевниками, но постоянного населения Крыма они не составляли. Иначе нам будет непонятно бедственное положение Святослава в устье Днепра зимой 971—972 гг.

А. Н. Насонов (так же как и Веймарн и Стржеleckий) упускает из виду, что если бы при Святославе в Крыму или Тамани прочно укрепилось русское население и между населением Тавриды и Русью существовали такие тесные культурные и бытовые связи, какие предполагают означенные авторы, то Святослав, возвращаясь водным путем из Доростола, не стал бы зимовать в Белобережье в устье Днепра, испытывая там жестокий голод. Точно так же, если бы между Русью и Тавридой существовали указанные связи, то не имели бы места такие факты, как покупка в 1096 г. работорговцем в Херсонесе у половцев монаха Киево-Печерского монастыря Евстратия, захваченного ими в числе многих других в плен. Из источников также известно, что по уговору Евстратия пленники уморили себя голодом, а монах был подвергнут работорговцем мучительной казни, как виновник понесенного им убытка.²

¹ De bello Goth., кн. IV, 5.

² А. И. Яковлев. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872, стр. 93 сл.